

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'373.211.112

DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-27-434-443

Немецко-славянские топонимические контакты в Восточной Германии

Андрей Николаевич БЕЛЯЕВ

ФГБОУ ВО «Башкирский государственный аграрный университет»

450001, Российская Федерация, г. Уфа, ул. 50-летия Октября, 34

✉ anbelajew@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены вопросы взаимоотношений немецкого языка с серболужицким языком. Материалом исследования послужили топонимы, распространённые на территории, которая на востоке простирается до течения рек Бобер, Квейс и Одер, на севере – до окрестностей Берлина, а на западе выходит за пределы р. Заале. Актуальность исследования обусловлена стремлением к более углублённому изучению проблемы немецко-славянских языковых контактов. Новизна работы заключается в рассмотрении проблемы в различных аспектах: языковых уровней, социолингвистическом, ареальном. Изучены механизмы и свойства адаптации славянских топонимов на всех языковых уровнях, уточнена методика описания интеграционного процесса заимствованных топонимов, описаны характерные для интеграционного процесса фазы. Показано, что у славян и немцев нередко отмечается семантический параллелизм в актах номинации, обусловленный географической средой. Установлено, что лингвогеографические связи, сложившиеся при немецко-лужицком топонимическом взаимодействии, неоднородны по характеру. Сделан вывод, что межъязыковые контакты в области топонимии были сложными и не носили монолитного характера, как это было принято считать ранее. В качестве перспективы для дальнейших исследований намечается изучение славянизированных германских топонимов в славянских языках.

Ключевые слова: языковые контакты, Восточная Германия, немецкий язык, лужицкий язык, топонимия, интеграция

Для цитирования: Беляев А.Н. Немецко-славянские топонимические контакты в Восточной Германии // Неофилология. 2021. Т. 7, № 27. С. 434-443. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-27-434-443>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

German-Slavic toponymic contacts in East Germany

Andrei N. BELYAEV

Bashkir State Agrarian University
34 50-let Oktyabrya St., Ufa 450001, Russian Federation
✉ anbelajew@mail.ru

Abstract. We consider the issues of the relationship between the German language and the Sorbian language. The material of the study is the toponyms that are common in the territory that extends in the east to the course of the rivers Bober, Quays and Oder, in the north – to the vicinity of Berlin, and in the west goes beyond the Saale River. The relevance of the study is due to the desire for a more in-depth study of German-Slavic language contacts issues. The novelty of the work lies in the consideration of the issue in various aspects: language levels, sociolinguistic, areal. We study the mechanisms and properties of adaptation of Slavic toponyms at all linguistic levels, clarify the methodology for describing the integration process of borrowed toponyms, describe the phase's characteristic of the integration process. We show that among the Slavs and Germans, semantic parallelism in the acts of nomination is often noted, due to the geographical environment. We establish that the linguo-geographic relations that developed during the German-Lusatian toponymic interaction are heterogeneous in nature. We conclude that interlanguage contacts in the field of toponymy were complex and did not have a monolithic character, as was previously believed. As a prospect for further research, it is planned to study the Slavic Germanic place names in the Slavic languages.

Keywords: language contacts; East Germany; German language; Lusitan language; toponymy; integration

For citation: Belyaev A.N. Nemetsko-slavyanskiye toponimicheskiye kontakty v Vostochnoy Germanii [German-Slavic toponymic contacts in East Germany]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2021, vol. 7, no. 26, pp. 434-443. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-26-434-443> (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

В последние 10–15 лет вопросы немецко-славянских ономастических контактов стали привлекать внимание многих учёных. Появилось большое число специальных публикаций [1–7]. Обращение к этой проблеме непосредственно связано с решением ряда насущных задач, возникших при реализации теоретических положений в области контактной ономастики. Оценивая общее состояние изучения славянского культурно-языкового наследия на территории Восточной Германии, К. Хенгст подчёркивает, что оно достигло к концу XX столетия нового, более качественного уровня [8, с. 270]. На наш взгляд, на этот принципиально новый

качественный уровень немецкие слависты смогли выйти благодаря подключению в сферу своего рассмотрения фундаментальных достижений современного языкознания. В настоящее время уже невозможно решить данную проблему без опоры на комплексную, междисциплинарную основу, без применения таких универсальных методов, как системно-функциональный подход, рекурсивный метод, сопоставительный метод и т. д. Не имеет большого смысла ограничиваться одним подходом, рассматривать проблему немецко-славянского ономастического взаимодействия под одним «углом зрения». Необходимы работы, объединяющие эти разные подходы и формулирующие их общие существенные признаки.

Центральная проблема, на изучение которой обращено внимание немецких исследователей, связана с динамикой культурно-языковой интерференции и, в частности, с проблемой заимствования онимов как проявления межкультурных и межъязыковых контактов, их бытования и адаптации в воспринимаемом языке [5; 9–10]. В то же время на современном этапе развития контактной ономастики далеко ещё недостаточно изучен вопрос об отношении сорабистики к заимствованию и интеграции лужицкими сербами немецких топонимов.

В своих недавних работах К. Хенгст уже предпринял некоторые попытки внести ясность в вопрос о заимствовании немецких названий населённых мест в лужицкие диалекты. Его опыт проследить историю славянско-немецких языковых контактов хотя и на ограниченном, но всё же имеющем значительный научный интерес материале XI–XIII веков представляется весьма удачным; тем не менее по многим вопросам славяно-немецкого ономастического взаимодействия нет пока однозначной интерпретации фактов. Думается, что обобщение достигнутых результатов в изучении славянских субстратных названий на территории Восточной Германии в плане сравнительно-исторического их осмысления может пролить дополнительный свет на природу межкультурного и межъязыкового взаимодействия, высветить ещё рельефнее целый комплекс вопросов, связанных с объективным отражением как истории контактов лужицких сербов с немецким народом, так и характера этих контактов.

ПОСТАНОВКА ЦЕЛИ И ЗАДАЧ ИССЛЕДОВАНИЯ

Как показано во введении, проблема «немецко-славянские ономастические контакты» приобретает в последнее время всё большую остроту и актуальность в связи с решением значительного числа теоретических и прикладных задач. Цель настоящего разыскания состоит в стремлении к более углублённому исследованию проблем немецко-славянских топонимических контактов. Исходя из общих задач контактной ономастики, мы выбрали для достижения по-

ставленной цели дифференцированный подход к целому комплексу вопросов, которые связаны со всеми языковыми уровнями, а также с экстралингвистическими факторами. Методическая важность этого принципа имеет принципиально значение при описании процесса интеграции заимствованных топонимов. Задача исследования – изучить механизм адаптации славянских топонимов в немецкий язык, а также уточнить методику описания интеграционного процесса заимствованных топонимов.

МЕТОДЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Весьма важным моментом является разработка методики описания интеграционного процесса, в результате которого заимствованные из славянских диалектов топонимы стали подчиняться законам немецкого языка и подвергаются фонетическим и некоторым морфологическим и семантическим изменениям. А.К. Матвеев абсолютно был прав, когда писал: «Ключ к прогрессу в топонимике несомненно надо искать в области методики исследования, так как и поныне методы изучения субстратных топонимов далеки от совершенства и подчас настолько противостоят друг другу, что их можно считать взаимоисключающими» [11, с. 57]. Дальнейшие достижения в этой области языкознания связаны с углублённой разработкой методики подобных работ. Рассматривая проблему онимов на уровне межъязыковых контактов, К. Хенгст считает, и с этим нельзя не согласиться, что первостепенное значение имеет комплексная разработка проблематики, при которой исследовательская модель изучается в различных её аспектах [12, S. 221–225]. В связи с существованием комплексного плана исследования можно выделить следующие аспекты: 1) *языкового уровня*, позволяющий понять, как воздействует онимическая интерференция на разные языковые уровни (в исторической ретроспективе речь идёт о фонемно-графемном, морфемно-морфологическом, лексико-семантическом уровнях, при синхронном рассмотрении также о синтаксическом и текстовом); 2) *социолингвистический*, связанный с употреблением имён собственных в социо- и идиолектах, а также с их ва-

риативностью; 3) *ареальный*, обусловленный выработкой и распространением определённых интерференционных явлений у топонимов, прежде всего, в структурно-словообразовательной и лексико-семантической сферах.

Как известно, зоны межъязыкового и межкультурного сближения народов с течением времени варьируются, что вызывает необходимость изучения развития форм заимствованных онимов в языке-источнике в диахроническом аспекте. Результаты такого анализа могут быть полезными для своеобразного «картографирования» этнического языкового пространства с целью выявления в нём очагов культурно-языковой и социально-политической иррадиации. Суть интеграционного процесса заимствованных онимов проявляется в том, что он демонстрирует ярко выраженную динамичность, изменчивость языка, без учёта которой невозможно описание не только истории языка, диахронии, но и его фиксированного состояния, синхронии. При рассмотрении различных его ступеней мы постоянно обращаемся к историческому периоду двуязычия, соответственно к параллельному лужицкому и немецкому словоупотреблению.

На фонемно-графемном уровне внутренним системным фактором, обусловленным общезыковым развитием, является субституция фонем, то есть замещение звуков неродного языка звуками родного с последующей передачей древнелужицких, соответственно немецких звуков, графикой языка-реципиента. Для графического отображения др.-луж. фонем или последовательностей фонем могут быть выделены три группы графем: 1) монофункциональные графемы, передающие только одну фонему или устойчивую последовательность фонем, например, <en> для др.-луж. /ɛ/ (*Krensitz* – деревня ок. Делицш, из др.-луж. **krɛz*, имеющее соответствие с русск. *кряж*¹) и <m>, <n>, <l>, <r> для соответствующих др.-луж. сонорных; 2) полифункциональные графемы, способные отражать две и более фонемы, например <u> и <v> для передачи интервокального /v/, а также /u/; 3) гомофункциональные графемы с полным или частичным сходством функций,

например, <u>, <v> и <w> для др.-луж. /v/ или <с>, <ch> и <k> для др.-луж. /k/, при этом <с> может также стоять для др.-луж. /c/ и /č/.

На морфемно-морфологическом уровне значительный интерес для языкового контакта и процесса топонимической интеграции др.-луж. названий в немецкий язык представляют механизмы морфологической адаптации и словообразовательные элементы. Процесс топонимической интеграции ведёт не только к обогащению языка-реципиента новыми лексическими единицами в форме заимствованных имён, но и пополняет имеющиеся в языке ресурсы словообразовательных и структурных элементов. Несмотря на то, что фонологическая и морфологическая системы считаются трудно проницаемыми или вообще непроницаемыми для внешних воздействий, дискретный характер языковых изменений имеет место и в системе топонимических морфем и словообразовательных элементов. Иноязычные суффиксы переходят в новое качество, адаптируются к соответствующим типам. Таким образом, иноязычный топоним ставится в ряд уже существующего топонимического типа принимающего языка [13, с. 89-90]. Интегрированные в топонимическую систему принимающего языка новые структурные элементы обладают некоторыми системными свойствами, то есть кристаллизуются продуктивные интегративные модели, которые, однако, не обладают исключительностью [12, с. 226]. Нельзя охарактеризовать развитие заимствованных топонимов их стремлением к аттракции исконных топонимов, не прибавив, что вместе с тем развивается и их способность отображать интегрированный топоним в стабильной фонетической, графической и морфологической формах. И это так. Трудно себе представить, чтобы тот или иной язык, исторически пополняя свои лексические ресурсы за счёт заимствования апеллятивной лексики, вместе с тем утрачивал бы способность заимствовать и адаптировать на всех языковых уровнях и имена собственные.

Выделяемые в немецком языке структурно переоформленные топонимы отчасти могут показаться носителям немецкого языка вполне немецкими образованиями с формантами, например: *-hain*, *-hausen*, *-schatz*, *-wein*,

¹ Historisches Ortsnamenbuch von Sachsen. Bd. 1., A–L. Leipzig: Sächsische Akademie der Wissenschaften zu Leipzig, 2001. S. 535.

-zahn. В число таких «обыденных» немецких топооснов вступает ряд топонимов, в структуре которых имеются связанные морфемы. Семантические и структурные связи внутри таких групп «оборваны», они не могут полностью повторять связи между элементами соотносительных топонимов в синхронии. В качестве таких преимущественно вступают в немецком языке, как принимающем языке, взятые из топонимической и апеллятивной сфер деривационные элементы: *-a*, *-au*, *-el*, *-en*, *-ig*, *-is*. В то же время следует указать, что частотны суффиксальные инновации от заимствованных суффиксов *-itz* (с расширениями *-litz*, *-nitz*, *-ritz*, *-titz*, *-witz*), *-in* и *-ow*. Наряду с ними могут выступать в качестве топоформантов уникальные морфемы *-atzsch*, *-lopp*, *-tropp*, *-uln*, которые не являются в топонимической системе немецкого языка продуктивными топонимическими моделями.

На лексико-семантическом уровне (при переходе топонимов из исходного лужицкого языка в принимающий язык – немецкий) наблюдаются процессы их семантической реструктуризации, обуславливающие возникновение семантически нейтральных или семантически маркированных топонимов. Семантически нейтральными, или «пустыми», являются топонимы, которые невозможно соотнести с каким-либо апеллятивом из немецкого языка. Ср. *Dresden* < др.-луж. *dręzg[a]* ‘Wald’, *Lützen* < др.-луж. *Lučno*, *Lučina* ‘Ort, wo Wiesen sind’ [14, s. 82, 175]. Интегрированные из серболужицкого языка топонимы могут быть заново переосмыслены, приобретая тем самым вторичную семантическую мотивированность. Например, *Kummer* < др.-луж. **Komary* или *Kuhschnappel* < **Końčnopol’e* или **Końčne pole* [12, S. 227]; ср. нем. *Kummer* ‘горе, печаль’, *Kuhschnappel* = *Kuh* ‘корова’ + *schnappen* ‘хватать’. Таким образом, возникает топонимическая псевдосемантизация. Указанные образования обычно считают фактом народной этимологии и понимают под этим наполнение новым содержанием лексических единиц чужого языка. Народная этимология часто приводит к появлению курьёзных образований, например, в Бранденбурге название деревни *Kuhbier* (= *Kuh* ‘корова’ + *Bier* ‘пиво’), 1495 г. *Kobyr*, 1524 г. *Feld Kober*, происходит

от др.-полаб. **Kober* ‘поле, поросшее лопухами’ [15, S. 23].

В вопросе о роли показаний топонимии в практике исследования немецко-славянских языковых контактов на материале немецко-лужицкого контактирования наибольший интерес представляют три характерные фазы онимической интеграции. Для исследователя возникает при этом ещё одна возможность – учитывать (хотя бы в вероятностном плане) при процессе заимствования имён возможные способы отражения в них фонетических, морфологических и семантических структур, характерных для отдельных периодов развития языка. Вместе с тем можно думать, что анализ по рядоположенным уровням (с системной организацией составляющих соответствующий уровень единиц) может быть недостаточен, так как приходится считаться с фактом полной адаптации заимствованного имени, завершившимся уже до момента письменной фиксации топонима в исторических документах. При объективном отражении истории контактов немецкого народа с конкретным славяноязычным народом, лужицкими сербами, К. Хенгст выделяет следующие фазы онимической интеграции: (1) прекотактную, то есть более раннюю, (2) контактную и (3) постконтактную [12, S. 228-229].

Первая фаза – прелиминарное состояние топонимической системы до массового заимствования др.-луж. топонимов в немецкий язык. Здесь ещё не наблюдается специфический процесс «столкновения» между языками в определённых исторических условиях. Для этого периода характерны спорадичность контактов и узость сферы коммуникации, осуществляемой посредством только устной речи. Этот факт приобретает немаловажное значение в историческом обосновании реконструкции др.-луж. топонимов в бывших лужицкоговорящих областях, локализованных за пределами современного ареала проживания лужицких сербов. При реконструкции западнославянских топонимических типов нельзя обойти молчанием и вопрос о крайней западной периферии праславянского языка и раннего западнославянского. Следует отметить слишком нерешительное вовлечение имён собственных в дискуссию об истории праславянского языка.

Вторая фаза – более тесное соприкосновение со славянскими народами во время освоения восточных земель в XI–XIV веках, что повлекло за собой проникновение в немецкий язык ряда славянских слов, в том числе многих славянских географических названий. В этой фазе славянские имена собственные оформляются в соответствии с новыми для этого периода явлениями в языке, зародившимися большей частью ещё в предшествующую эпоху. Таким образом, происходит заимствование внешней оболочки онима без изменения его значения в направлении «приспособления» к языковым уровням заимствующего языка.

Третья фаза – период бесконтактного по отношению к языку-источнику развития заимствованных имён в принимающем языке. Их дальнейшее развитие целиком обусловлено механизмами принимающего языка. Именно здесь мы можем иметь дело с возобновленными языковыми отношениями между обоими народами. В таких случаях за постконтактной фазой следует вновь контактная фаза, и имеет место, так сказать, «повторное заимствование». Например: ойконим *Nimmschütz* (возле Баутцена) имеет следующую историю: др.-луж. праформа **Gnĕvotici* впервые передаётся в источниках ок. 1300 г. в форме *Gneutiz* [чит.: gnevits], в 1459 г. – в форме *Gneweticz*, а в 1768 г. – *Nimmschutz*. Эта последняя форма – результат повторного заимствования более поздней в своём развитии лужицкой формы *Hněwsecy*.

Весьма существенным представляется и то, что именно в контактной фазе интеграционный процесс оперирует комплексами разноуровневых (фонетических, графемных, морфологических, а также морфонологических) признаков-координат, обусловленными определёнными неязыковыми стимулами. Известно, что по преимуществу именно на его начальной стадии получает своё применение понятие *транссумпции*, то есть включения топонима, в которое входит блок взаимосвязанных процессов, характеризующихся единой направленностью звуковых и фонематических изменений. И именно на этой стадии интеграционного процесса мы встречаемся с преобразованиями, происходящими в строгой последовательности от низших уровней к высшим: изменения в

принципах организации звуковой и фонематической структуры онима влекут за собой соответствующую трансформацию морфологической и словообразовательной структуры заимствованного онима при его транспозиции от устного употребления к письменному.

Немаловажную роль играет в изучении интеграционного процесса функциональный аспект, связанный с ролью объекта в жизни человека и географическим распространением имени. Сфера употребления имени подчас может носить малозаметный, узколокальный характер или иметь тенденцию выходить за пределы территориальной приуроченности имени. Наблюдается корреляция между степенью известности имени и изменением его формы в принимающем языке. Если употребительность имени высокая, то оно, как правило, реже подвергается различным изменениям, чем имя с низкой частотностью, используемое небольшим коллективом людей и имеющее функционально ограниченную сферу применения. Обычно узколокальные микротопонимы, собственно же топонимы известны за пределами места своего нахождения. Ими называют объекты, в существовании которых люди заинтересованы в большей степени по сравнению с микрообъектами. Отсюда более высокая частотность собственно топонимов в речи и большая стандартность их моделей [16, с. 167]. Эта тенденция прослеживается также в процессе интеграции заимствованных имён и носит универсальный характер. В топонимике, очевидно, действуют два принципа, две противоположные тенденции: тенденция функциональной асимметрии топонимических классов и тенденция равновесия, эквидистантности топонимических моделей. Ср.: с начала XIII века стабильную форму ойконима *Dresden* и контрастный ему в этом отношении топоним *Auritz*, в.-луж. *Wuricy* (деревня около Баутцена): 1419 *Weritz*, 1435 *Auwericz*, *Awricz*, *Awericz*, *Auwirwitz*, 1496 *Awritz*, диал. *aocrds*. В.-луж.: 1800 *Wurizy*, 1843 *Wuricy*, диал. *wuritsə*, *huritsə*. Возможно, от др.-луж. **Uvir(ov)ica* к др.-луж. прилагательному **uviry* ‘кривой, искривленный’, так как деревня лежит на излучине реки. В 1419 г.

начальные *U-/Au-* отпадают. В.-луж. форма топонима восходит к форме *Uricz*².

В действительности соотношение между названными аспектами носит более сложный характер, и оно не может быть установлено только за счёт определённой аттрактивной квалификации компонентов заимствованных топонимов. Для этого необходимо, чтобы в процессе транспозиции (преобразования «чужого» имени в «своё») топоним, как коммуникативная единица при языковом контакте, приобрёл бы статус номинативной единицы в лексико-семантической системе принимающего языка, – в противном случае (по крайней мере в славяно-немецких языковых отношениях) реализация «оболочки» топонима исходного языка в принимающем языке останется невыраженной: топоним может исчезнуть, быть переосмыслен или его компоненты могут быть переведены на родной язык.

Первостепенную и наиболее трудоёмкую задачу при установлении немецко-славянских топонимических контактов составляет решение вопроса о том, какая форма является древней, а какая возникла в результате калькирования. В конечном счёте многие лингвисты, касающиеся этого вопроса, исходят из признания того, что по причине поздней фиксации топонимов в письменных документах уже не представляется возможным точно установить язык-источник данного имени. Тем не менее обращает на себя внимание наличие некоторого параллелизма в топонимической номинации. Как у славян, так и у немцев при создании имени для географического объекта могут иметь место одни и те же мотивы номинации. Ср. мотивированные рельефом местности топонимы *Seegeritz* (около Лейпцига) из др.-луж. **Zagorici* ‘люди, живущие за горой’ и близлежащий *Hohenheide* ‘к роще на возвышенности’.

Интересно проанализировать, как в процессе интеграции складываются онимические варианты. Приходится ли иметь дело здесь преимущественно с фактами, находящимися за пределами стандартизированной нормы или на её периферии. Явление топо-

нимической вариативности включает в себе много нераспознанного и обнаруживается, в частности, при устном и письменном употреблении имён. Вообще процесс варьирования в языке считается закономерным явлением, так как он характеризует языковые единицы различных уровней на разных этапах развития языка и является постоянным признаком языкового развития, что обусловлено как экстралингвистическими, так и внутриязыковыми факторами: с одной стороны, условиями жизни людей, использованием лексики носителями языка, с другой стороны, структурно-семантическими особенностями самих лексических единиц, их взаимодействием в языке и речи, процессами заимствования. Указанные обстоятельства имеют значение не только для диахронии, но и для синхронии. Разумеется, при заимствовании виды варьирования топонимов характеризуются своей спецификой, которая напрямую зависит от способа «передачи» топонимов: славянский топоним мог непосредственно передаваться жителями славянской деревни немецким колонистам, что называется, из уст в уста, с последующей его письменной фиксацией или фиксироваться уже со слов министралов, то есть служивых людей. Возможное объяснение этой вариативности – социолингвистический фактор. Такие варианты могут приводить к повторным заимствованиям.

Обратимся теперь к заимствованию и интеграции немецких топонимов в лужицкие диалекты. В XI–XIII веках на лужицких землях возникают немецкие селения, соответственно имеющие немецкие именованья. В местах контактного проживания немцев с лужицкими сербами немецкие названия переводились на лужицкий. Например, *Wittenberg* – *Bela Hora*, *Magdeburg* – *Džěwin*, *Halle* – *Hala*, *Altenburg* – *Starohród*, *Merseburg* – *Miezybor*, *Hof* – *Dwór*. Сегодня эти калькированные формы уже мало кому известны. В славянизированной форме ойконима *Dwór* топонимизация апеллиатива осложняется добавлением славянского суффикса *-s*, а в ойкониме *Džěwin* (нем. *Magd* ‘служанка, батрачка’) немецкое словосложение заменяется славянским суффиксом *-in*. Есть основания также считать, что два современных лужицких топонима *Wótrán* в Верхней Лужице и *Toroń* в Саксонии представляют собой сора-

² Historisches Ortsnamenbuch von Sachsen. Bd. 1., A–L. Leipzig: Sächsische Akademie der Wissenschaften zu Leipzig, 2001. S. 30

бизацию немецких топонимов *Ortrand* и *Tharandt*, возникших в процессе адаптации к немецким фонетическим формам как регулярные заимствования [12, S. 240].

В современном лужицком языке названия населённых пунктов, находящихся за пределами проживания лужичан, как правило, передаются в соответствующей официально принятой немецкой форме или в форме другой страны. В качестве примеров назовём *Berlin*, *Flensburg*, *Gotha*, *Greifswald*, *Hamburg*, *Hannover*, *Passau*, *Washington* и т. п. Немецкий *Frankfurt* дифференцируется лужицкими гидронимами: *Frankfurt nad Wódru* и *Frankfurt nad Mahanom*. Аналогично передаются ойконимы из других славянских стран, например, *Moskwa* (ср. нем. *Moskau*), *Odessa*, *Warsawa* и т. д. [12, S. 243].

ВЫВОДЫ

В ходе предыдущего изложения установлено, что немецко-славянские топонимические контакты в Восточной Германии происходили главным образом в результате исторического процесса интеграции заимствованных форм, адаптируемых на всех языковых уровнях. На фонемно-графемном уровне субституцию лужицких фонем и графем вряд ли требовалось обсуждать особо – здесь со-

ответствия между лужицким и немецким языком тривиальны и, следовательно, нет вопроса о том, какие фонемы должны быть реконструированы в древнелужицком. Древнелужицкие фонемы в немецких топонимах передаются монофункциональными, полифункциональными и гомофункциональными графемами. Однако другие уровни требуют реинтерпретации на основе данных, полученных путём дифференцированного подхода. Частотность топонимических формантов *-itz*, *-in* объясняется законом рядности и отчасти стремлением к аттракции исконных топонимов. Номинативно-семантическим механизмом образования переосмысленных форм является мыслительная идея уникальности, позволяющая избирать языковой знак для географического объекта. Межъязыковые контакты в области топонимии в Восточной Германии были сложными и не носили монолитного характера, поскольку лингвогеографические связи, имевшие место при немецко-лужицком топонимическом взаимодействии, неоднородны по характеру и не отмечались устойчивостью. Одной из перспективных задач в исследованиях подобного направления является сопоставительное исследование славянизированных германских топонимов в восточнославянских языках.

Список литературы

1. Крюков П.А. Мотивировка номинации ойконимов историко-географического региона Верхняя Лужица (Германия) // *Общественные науки*. 2016. № 2-1. С. 429-438.
2. Крюков П.А. Мотивировка переименований ойконимов историко-географического региона Верхняя Лужица (Германия) // *Общественные науки*. 2018. № 1. С. 101-114.
3. Hutter J. Slawische Spuren im heutigen Rheinland-Pfalz, Saarland und Baden-Württemberg. Aachen: Patrimonium-Verlag, 2017. 252 S.
4. Marterior K. Die slavischen Siedlungen im östlichen Holstein: eine zweisprachige Sprachlandschaft? Hamburg: Verlag Dr. Kovač, 2018. 299 S.
5. Mehrsprachige Sprachlandschaften: das Problem der slavisch-deutschen Mischtoponyme. Akten der Kieler Tagung 16/-18/ Oktober 2014 / hrsg. von K. Marterior und N. Nübler. Leipzig: Leipziger Universitätsverlag GmbH, 2016. 262 S.
6. Wenzel W. Die slawische Frühgeschichte Sachsens im Lichte der Namen. Hamburg: Baar, 2017. 204 S.
7. Zscheschang Ch. ... ac iuxta unam paludem. Wasser, Siedlung und Grenzen in der deutsch-slavisches Kontaktzone. Ein Beispiel aus der östlichen Niederlausitz // *Namenkundliche Informationen*. Leipzig: Leipziger Universitätsverlag, 2019. № 111. S. 344-362.
8. Хенгст К. Исследования по славянской ономастике в Германии // *Вопросы ономастики*. 2019. Т. 16. № 2. С. 269-280.
9. Bichlmeier H. Die wichtigsten Suffixe in slawischen Familiennamen und ihre Eindeutschungsergebnisse – ein Überblick // *Namenkundliche Informationen*. Leipzig: Leipziger Universitätsverlag, 2019. № 111. S. 123-152.

10. Hengst K. Sprachkontakte, Sprachstudien und Entlehnungen im östlichen Mitteldeutschland seit einem Jahrtausend. Wien: Praesens Verlag, 2015. 870 S.
11. Матвеев А.К. Ономатология. М.: Наука, 2006. 292 с.
12. Hengst K. Forschungsergebnisse zu Integrationsprozessen von Siedlungsnamen aus der Minderheitensprache Sorbisch im sorbisch-deutschen Sprachkontaktraum // Namenkundliche Informationen. Leipzig: Leipziger Universitätsverlag, 2013. № 101/102. S. 219-249.
13. Амбросиани П. Параллельные названия в прибалтийско-финской и русской ойконимии Ингерманландии // Вопросы ономастики. 2008. № 6. С. 83-92.
14. Berger D. Geographische Namen in Deutschland: Herkunft und Bedeutung der Namen von Ländern, Städten, Bergen und Gewässern. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 1993. 296 S.
15. Koß G. Namenforschung : eine Einführung in die Onomastik. 3., aktualisierte Aufl. Tübingen: Niemeyer, 2002. 248 S.
16. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. Изд. 4-е. М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 368 с.

References

1. Kryukov P.A. Motivirovka nominatsii oykonimov istoriko-geograficheskogo regiona Verkhnyaya Luzhitsa (Germaniya) [The motivation of oikonyms nomination in historical and geographical region upper Lusatia (Germany)]. *Obshchestvennyye nauki – Social Science*, 2016, no. 2-1, pp. 429-438. (In Russian).
2. Kryukov P.A. Motivirovka pereimenovaniy oykonimov istoriko-geograficheskogo regiona Verkhnyaya Luzhitsa (Germaniya) [The motivation of oikonyms renamings in historical and geographical region upper Lusatia (Germany)]. *Obshchestvennyye nauki – Social Science*, 2018, no. 1, pp. 101-114. (In Russian).
3. Hutter J. *Slawische Spuren im heutigen Rheinland-Pfalz, Saarland und Baden-Württemberg*. Aachen, Patrimonium-Verlag Publ., 2017, 252 p. (In German).
4. Marterior K. *Die slavischen Siedlungen im östlichen Holstein: eine zweisprachige Sprachlandschaft?* Hamburg, Verlag Dr. Kovač Publ., 2018, 299 p. (In German).
5. Marterior K., Nübler N. (eds.). *Mehrsprachige Sprachlandschaften: das Problem der slavisch-deutschen Mischtoponymie. Akten der Kieler Tagung 16/-18/ Oktober 2014*. Leipzig, Leipziger Universitätsverlag GmbH Publ., 2016, 262 p. (In German).
6. Wenzel W. *Die slawische Frühgeschichte Sachsens im Lichte der Namen*. Hamburg, Baar Publ., 2017, 204 p. (In German).
7. Zschieschang C. ... ac iuxta unam paludem. Wasser, Siedlung und Grenzen in der deutsch-slavisches Kontaktzone. Ein Beispiel aus der östlichen Niederlausitz. *Namenkundliche Informationen*, Leipzig, Leipziger Universitätsverlag Publ., 2019, no. 111, pp. 344-362. (In German).
8. Khengst K. Issledovaniya po slavyanskoy onomastike v Germanii [Studies in Slavic onomastics in Germany: an overview]. *Voprosy onomastiki – Problems of Onomastics*, 2019, vol. 16, no. 2, pp. 269-280. (In Russian).
9. Bichlmeier H. Die wichtigsten Suffixe in slawischen Familiennamen und ihre Eindeutschungsergebnisse – ein Überblick. *Namenkundliche Informationen*, Leipzig, Leipziger Universitätsverlag Publ., 2019, no. 111, pp. 123-152. (In German).
10. Hengst K. *Sprachkontakte, Sprachstudien und Entlehnungen im östlichen Mitteldeutschland seit einem Jahrtausend*. Wien, Praesens Verlag Publ., 2015, 870 p. (In German).
11. Matveyev A.K. *Onomatologiya* [Onomatology]. Moscow, Nauka Publ., 2006, 292 p. (In Russian).
12. Hengst K. Forschungsergebnisse zu Integrationsprozessen von Siedlungsnamen aus der Minderheitensprache Sorbisch im sorbisch-deutschen Sprachkontaktraum. *Namenkundliche Informationen*, Leipzig, Leipziger Universitätsverlag Publ., 2013, no. 101/102, pp. 219-249. (In German).
13. Ambrosiani P. Parallel'nyye nazvaniya v pribaltiysko-finskoy i russkoy oykonimii Ingermanlandii [Parallel names in the Baltic-Finnish and Russian oikonymy of Ingermanlandia]. *Voprosy onomastiki – Problems of Onomastics*, 2008, no. 6, pp. 83-92. (In Russian).
14. Berger D. *Geographische Namen in Deutschland: Herkunft und Bedeutung der Namen von Ländern, Städten, Bergen und Gewässern*. Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich, Dudenverlag Publ., 1993, 296 p. (In German).
15. Koß G. *Namenforschung : eine Einführung in die Onomastik*. 3., aktualisierte Aufl. Tübingen, Niemeyer Publ., 2002, 248 p. (In German).
16. Superanskaya A.V. *Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo* [General Theory of Proper Name]. Moscow, LIBROKOM Publishing House, 2012, 368 p. (In Russian).

Информация об авторе

Беляев Андрей Николаевич, доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков, Башкирский государственный аграрный университет, г. Уфа, Российская Федерация, anbelajew@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1784-4704>

Вклад в статью: концепция исследования, сбор материала и источников, комплексный лингвистический анализ, написание и оформление текста статьи.

Статья поступила в редакцию 29.01.2021
Одобрена после рецензирования и доработки
11.03.2021
Принята к публикации 25.03.2021

Information about the author

Andrei N. Belyaev, Doctor of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Foreign Languages Department, Bashkir State Agrarian University, Ufa, Russian Federation, anbelajew@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1784-4704>

Contribution: study conception, data and source material acquisition, complex linguistic analysis, manuscript drafting and design.

The article was submitted 29.01.2021
Approved after reviewing and revision 11.03.2021
Accepted for publication 25.03.2021